

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Мадайени Авал Али, Сейед-Агаи Резаи Сейде Моханна Сейд Хасан

Тегеранский университет, Исламская республика Иран, Тегеран, проспект «Амирабад», факультет иностранных языков и литературы, кафедра русского языка. Почтовый индекс: 1439813164

Данная статья посвящена изучению функций эвфемизмов в русском и персидском языках. Человек для сохранения своего социального облика постоянно избегает грубых, невежливых слов и выражений и вместо них употребляет более нейтральные языковые единицы, которые называются эвфемизмами. Изучение эвфемизмов актуально и целесообразно, ибо до сих пор нет однозначного определения этого языкового явления. Некоторые лингвисты описывают эвфемизм с точки зрения языкового запрета, т.е. табу, в работах других исследователей используются стилистический, прагматический и социолингвистический подходы в изучении эвфемизмов.

Стремление избежать коммуникативных конфликтов, сохранить лицо, сокрыть и завуалировать эмоции служат целью эвфемизации, а основными её функциями в русском и персидском языках является смягчение и маскировка. Эти две функции часто пересекаются, что затрудняет их разграничение, а иногда одна функция превалирует над другой.

В данном исследовании используются метод лексикографического отбора и сопоставительный метод. Научная новизна работы состоит в том, что впервые проводится сопоставительный анализ функций эвфемизмов в русском и персидском языках. Практическая значимость статьи определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по лексикологии персидского и русского языков.

Ключевые слова: эвфемизм, функция, смягчение, маскировка, русский язык, персидский язык.

В повседневной жизни современный человек постоянно сталкивается с ситуациями, в которых он вынужден выбрать вместо прямого или грубого наименования смягчённое обозначение предмета, действия или явления, что позволяет оставаться в рамках речевого этикета и способствует успешной коммуникации. Отсюда и интерес к вопросу употребления эвфемизмов как одного из средств создания комфортной коммуникативной ситуации и избегания конфликтов в общении. Большое количество определений эвфемизма объясняется сложной природой этого лингвистического явления. В статье рассматривается изученность эвфемизма в лингвистике, определения А.П. Кудряшовой и Н.А. Ванюшиной [11, с. 12-20; 7, с. 15-29], точка зрения иранских лингвистов на это лингвистическое явление и функции

эвфемистических единиц в русском и персидском языках.

Термин «эвфемизм» был образован от греческого слова *euphēmismos* (*eu* – ‘хорошо’, *phēmi* – ‘говорю’; *euphēmiō* – ‘говорю вежливо’; *euphēmiā* – ‘благоречие, хорошая речь; воздержание от неподобающих слов’), и впервые оно используется в древней философии и греческой риторике.

В трудах таких русских исследователей, как Б.А. Ларин, Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.М. Кацев и др. были заложены теоретические основы изучения эвфемии. Рассмотрение этого феномена в диахроническом и синхроническом аспектах прослеживается в работах Л.П. Крысина, В.И. Жельвиса, Н.А. Евсеевой и др. Различные способы образования эвфемизмов подробно изучаются такими учеными, как В.П. Москвин, Е.И. Шейгал, Т.Л. Павленко,

А.А. Андреева. В работе В.В. Хлыновой эвфемизмы рассматриваются в связи с изучением оценки; Ю.Д. Апресян пишет о «сдержанном порицании» как форме отрицательной оценки. В.В. Виноградов и А.Д. Шмелёв изучают эвфемизмы в рамках лексикологической проблематики. Н.В. Тишина рассматривает эвфемиию как комплексный лингвистический, социальный и когнитивный феномен, а А.В. Фёдоров подходит к её изучению с точки зрения теории перевода. Эвфемизмы в художественных текстах исследуются В.З. Санниковым, Л.В. Чернец и др. [10, с. 18]. М.Л. Ковшова в исследованиях по эвфемии использует прагматический подход и выдвигает теорию отнесения эвфемизмов к речевым актам. Е.П. Сеничкина исследует понятие эвфемизма с лексикографической точки зрения и является составителем первого словаря русских эвфемизмов.

В иранистике эвфемиию изучают сравнительно недавно. Персидские поэты и риторика в протяжении долгого времени широко использовали в своих произведениях эвфемизмы с разнообразными целями. Эвфемизмы служили мощным средством для создания художественных образов. Они также использовались с целью сокрытия подлинного смысла, для выражения вежливости, сохранения приличий и др. Мы можем найти следы использования эвфемизмов в таких древних персидских литературных произведениях, как *قابوسنامه* «Кабус-наме», *تاریخ بیهقی* «Тарих-и Бейхаки», *دیوان غزلیات حافظ* «Диван газелей Хафиза» и др. [18, с. 84-85]. Например, Кей-Кавус в седьмой главе книги «Кабус-наме» говорит о роли эвфемизма в сохранении человеческих отношений следующее: *«У каждой речи две стороны: одна прекрасная, другая безобразная. Слова, которые произносишь перед людьми, должны быть подходящими, чтобы люди узнали о своём достоинстве, ведь великих и мудрых узнают по речам, а не речи по людям, ибо люди скрыты за своими речами... Бывают слова, которые используются так, что от них освежается душа, но те же слова можно использовать и в других выражениях, так что душа от них помутится... надо соблюдать и одну и другую сторону слов, чтобы говорить наилучшим образом, чтобы быть и красноречивым и знающим толк в словах»* [9, с. 37-40].

Хотя в последнем десятилетии количество диссертаций и статей, посвящённых эвфемии, значительно выросло, до сих пор существуют пробелы в изучении этого универсального

феномена в иранистике. У иранистов находим весьма сходные определения: «эвфемизм – это непрямые, неясные и приятные выражения, употребляемые взамен прямых и неприятных слов и выражений» [17, с. 2]; «использование смягчающих, деликатных и литературных слов вместо грубых, ясных и нетактичных» [18, с. 199]; «эвфемизмы – это заменяющие слова, употребляемые вместо грубых, нетактичных выражений в более смягчённом, деликатном виде» [21, с. 24].

Предлагаемые русскими лингвистами определения эвфемизма имеют более универсальный характер. А.А. Реформатский определяет эвфемизмы как «замененные, разрешённые слова, которые употребляются вместо запрещённых (табуированных)» [15, с. 105]. Автор при рассмотрении эвфемизмов указывает только на их связь со словесным табу и добавляет, что «в цивилизованном обществе причиной табуирования может послужить цензурный запрет» [15, с. 106]. Однако, по-нашему мнению, это определение нельзя считать полным и всеохватывающим, ибо оно относится лишь к области суеверий и табу. Хотя возникновение первых эвфемизмов находит свои корни в существовании табу, в наши дни существуют и другие причины для появления эвфемизмов.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» рассматривается другая сторона этого феномена: «эвфемизм – это эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным» [13, с. 590]. Данное определение не отражает все типы эвфемизмов. Во-первых, существует много примеров, позволяющих нам поставить под сомнение стилистическую нейтральность части эвфемизмов. Одни учёные полагают, что эвфемизмы функционируют только в нейтральном стиле (напр., В.П. Москвин). Другие считают, что эвфемизмы свойственны всем стилям русского языка, всем сферам речи, включая нелитературную лексику. По словам А.П. Сеничкиной, вторая точка зрения является гораздо более распространённой [16, с. 6-8]. Например, «под градусом» вместо «пьяный» является просторечным эвфемизмом, а «безвременная кончина» вместо «ранняя смерть» входит в разряд эвфемизмов высокого стиля. Во-вторых, нельзя утверждать, что эвфемизм и заменяемое слово всегда синонимичны. Эвфемизмы могут быть не только синонимами основных значений слова, но и его антонимами,

гиперонимами, гипонимами и др. Например, в предложении *между вами было это?* слово *это* является эвфемизмом, который замещает сексуальные отношения, и в этом случае эвфемизм «это» и «сексуальные отношения» не являются синонимичными.

Некоторые исследователи рассматривают эвфемизм как одну из разновидностей тропа. Так, в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой мы читаем следующее определение: «Эвфемизм – троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления...» [3, с. 521]. Но некоторые лингвисты, такие как В.П. Москвин и Б.А. Ларин отвергают это определение. В.П. Москвин отмечает, что причисление эвфемизмов к разряду тропов, т.е. образных выражений, представляется невозможным, поскольку: «1) эвфемизмы и тропы противопоставлены функционально; 2) в роли эвфемизмов могут выступать семантически одноплановые слова и выражения: термины (*летальный исход* *вм. смерть*) и заимствования (*путана* *вм. проститутка*), следовательно, эвфемизмы не всегда двуплановы и не всегда образны» [14, с. 30]. Б.А. Ларин считает эвфемизмы разновидностью тропа, т.е. метафоры, метонимии, синекдохи, и отличие эвфемизмов от неэвфемистических тропов заключается только в их назначении и в сфере употребления [12, с. 110]. Таким образом, при сопоставлении понятий эвфемии и тропов следует говорить, что эти понятия пересекаются. Эвфемизм может быть основан на тропе, способен выполнять украшающую функцию в художественном тексте.

Некоторые лингвисты при определении эвфемизмов на передний план выдвигают прагматический аспект и считают его необходимым условием для определения эвфемизма. Так, Н.С. Арапова определяет эвфемизмы как «смягчающее выражение того, что представляется говорящему нетактичным, неприличным, грубым по отношению к слушающему» [1, с. 636].

По мнению М. Л. Ковшовой, «эвфемизм – факт языка, ориентированный на речевую коммуникацию; оборот речи, семантика которого складывается из отношения между знаком, значением и говорящим; оборот, который используется для совершения определённого действия – смягчения речи» [10, с. 29].

Из рассмотренных определений эвфемизма следует, что в научной литературе ещё отсутствует единое понимание этого явления и не

учитываются разные его аспекты и характеристики. В нашем исследовании мы ставим задачу определить функции эвфемизмов в русском и персидском языках.

Эвфемизм как сложное лингвистическое явление обладает богатой функциональной парадигмой. Лингвисты выделяют разные функциональные аспекты эвфемизмов. Так, например, некоторые лингвисты, связывая понятие табу и эвфемии, рассматривают эвфемизмы как разрешённые слова, употребляемые взамен запрещённых [6, с. 106]. Другие подчёркивают, что функция смягчения является основной при использовании эвфемистических замен [8, с. 106]. В течение последнего десятилетия такие лингвисты, как Т.Л. Павленко, Е.В. Голубкова и др. сосредоточивают своё внимание на изучении эвфемизмов как средства речевого этикета, способствующего облагораживанию речи.

Н.Ц. Босчаева в классификации функций эвфемистических замен опирается на предположение, что в коммуникативном аспекте главная цель бытового общения заключается в достижении взаимопонимания. Дополнительной целью является достижение бесконфликтного общения. Исследователем рассматриваются превентивная и риторическая функции эвфемизмов. Превентивная функция предусматривает употребление эвфемистических слов и выражений вследствие древних реликтовых табу, которые ещё коренятся в сознании человека. В основе риторической функции эвфемизмов в речи лежит стремление говорящего к определённому воздействию на ценностные установки адресата [4, с. 34-41].

По словам А.П. Кудряшовой, эвфемистические единицы выполняют в языке пять основных функций: 1) замена именований, относящихся к словам табу; 2) смягчение, приукрашивание высказывания; 3) облагораживание речи; 4) маскировка, вуалирование сущности обозначаемого; 5) обозначение социально непрестижных профессий [11, с. 27-35].

Учитывая разные точки зрения, мы всё же опираемся на классификацию Л.В. Артюшкиной [2, с. 37-83]. По нашему мнению, в персидском языке можно также выделить две основные функции эвфемизмов: функцию смягчения и маскировки. Говорящий с помощью смягчения значения нейтрализует отрицательные компоненты значения и тем самым способствует успешной коммуникации. Появление первых эвфемизмов в русском и персидском языках с функцией смяг-

чения связано с древними табу. К данной группе относятся эвфемизмы, возникшие, в основном, на основе суеверных воззрений или под влиянием религиозного фактора: эвфемистические именованья бога, чёрта, сверхъестественных существ, названия священных животных или животных, являющихся объектом охоты, а также обозначения некоторых болезней.

Среди различных групп табуируемых слов выделяются прежде всего названия животных, так как табу отражало тотемистические представления первобытного человека о животном как основоположнике рода (тотем), наделённом сверхъестественной силой. Существовала вера в магическую функцию слова, способность слова изменять окружающий мир. Первобытный человек считал, что, если назвать животное именем, которое относится к какому-то роду, можно навлечь на себя гнев данного тотема. Причиной табуирования мог стать также страх перед опасным животным. Ярким примером табу служит *медведь* в индоевропейских языках. Исходным словом было, по-видимому, *rksos*, сохранившийся в соответственно изменённых формах в санскр. *rksah*, лат. *ursus*, армянск. *arj*. Однако в целом ряде индоевропейских языков это название попало под запрет и было заменено подставным словом: рус. Медведь «поедатель меда»; литовск. *Lokus*; букв. «толкун», «топтун»; нем. *Bär* «бурый». Аналогично в наименовании змея в некоторых районах Ирана: *بند چاه* «канат для колодца» или *چوبگر* «Зира» (букв. палка для измерения единицы длины). Представители старшего поколения, говорившего на мазандеранском диалекте, никогда прямо не называли волка. Они боялись этого дикого зверя, поэтому употребляли родовое понятие *جانور* [*janəvər*] «животное». Так, эвфемизм образовался в результате генерализации значения слова.

Другой причиной возникновения табу явились промыслы древних людей, такие, как например, охота и рыболовство. Первобытные люди думали, что чуткие звери, понимающие человеческий язык, могут их подслушать и таким образом избежать капканов и стрел, в результате чего охота закончится неудачей. Например, известное выражение *ни пуха, ни пера* употреблялось раньше в качестве пожелания хорошей охоты. Чтобы «не сглазить», нельзя было сказать прямо «желаю удачи» или «возвращайся с пухом и пером».

Языковому запрету подлежало называние бога и чёрта, которые не употреблялись в речи

по религиозным соображениям. Существовала заповедь, согласно которой нельзя было «без надобности» упоминать имя бога, что породило ряд эвфемистических замен, например: рус. *Создатель, Творец, Всевышний, Отец небесный*, перс. *آفریدگار* «Создатель», *خالق* «Творец», *رزاق* «Дающий пропитание» и др. В персидском языке имя Бога Аллах в связи с исламскими верованиями и традициями находится под запретом. Этот запрет отражает не страх людей перед Богом, а почитание и священный характер его имени. По исламским традициям прикосновение к имени Бога в письменных произведениях без «воду» (= малого омовения) считается нежелательным. Поэтому имя Аллаха не прописывается полностью, например: *هزار ماشاء ا... بچه بزرگی است* букв. *Тысяча раз машалла (формула от сглаза), он уже стал взрослым*. В этом примере многоточие указывает на окончание имени Аллаха, и таким образом образуется эвфемистическая единица.

Упоминание же имени чёрта могло, по поверью, вызвать его появление. Отсюда возникли эвфемизмы: рус. *лукавый, нечистый, он*; перс. *انها/از ما بهتران* букв. «лучше нас»/ «они» вместо «джинны»; в мазандеранском диалекте сложное слово *بی مهری* [*biməhri*] букв. «недобрый» употребляется вместо запрещённого слова *джинн*. Примером служит русский фразеологизм *с левой ноги встать* вместо *быть в дурном настроении*. Этот эвфемизм образован на основе религиозных верований или суеверий и отражает народные представления, согласно которым левая сторона – сторона дьявола: *С утра всё меня раздражает почему-то. С левой ноги, должно быть, встал*. Похожий фразеологический эвфемизм существует и в персидском языке с одинаковым значением «از دنده چپ بلند شدن/ پا شدن/ برخاستن» «*то ангара امروز از دنده چپ بلند شده‌ای، با همه دعوا داری!*» букв. «*кажется, ты сегодня встал с левого ребра. Поссорился со всеми*». Разница лишь в том, что в персидском языке употребляется слово «ребро», а в русском – «нога», а в целом очевидно сходство между двумя культурами и верованиями, где левая сторона – сторона дьявола.

Эвфемизмы-обращения являются другими примерами этого разряда: *он, сам, хозяин* вместо *муж*; *она, сама, хозяйка* вместо *жена*. Хотя эти лексические замены давно утратили роль табу, они до сих пор активно употребляются в речи простых людей [10, с. 64]. В персидском языке и его диалектах также существуют схожие эвфемистические замены. В силу культурных особенностей и социальных условий иранского общества

нельзя использовать слова «муж», «жена» в речи, как и «отец» и «мать» в некоторых культурах. В большинстве случаев женщинам необходимо соблюдать эти запреты. Например, в гилянском диалекте женщины употребляют следующие эвфемистические замены вместо прямого обращения к мужу: پدر بچه‌ها [zākānə pēr] букв. «отец детей», سایه سر ما [amī sār sāyə] букв. «наш покровительствующий» или называют своего мужа именем старшего сына پدر حسن [Hasənə pēr] букв. «отец Хасана». Мужчины также употребляют заменяемые слова для обращения к жене: مادر بچه‌ها [zākānə mār] букв. «мать детей», مادر حسن [Hasənə mār] букв. «мать Хасана». Гилянские женщины обычно употребляют эвфемистические замены для обращения к свекрови и свёкру. Эти лексические замены считаются более вежливыми и тактичными: خانم بزرگ [pīlā xānəmt] букв. великая госпожа, مشهدی خانم [məštā xānəmt] букв. «маишади» – обращение к человеку, посетившего гробницу имама Резы в Мешхеде, کربلایی خانم [kəblāi xānəmt] букв. «кербелаи» – тот, кто посетил святое для шиитов место смерти имама Хосейна в Кербеле' [20, с. 106-107].

Появление некоторых других эвфемизмов в русском и персидском языках связано с сохранением пристойности, вежливости и соблюдением правила этикета. У каждого человека есть закрытые, тайные сферы существования, которые вызывают чувство неловкости, стыдливости, неудобства. Говорящие стараются поддерживать свой социальный статус и статус слушающего, когда затрагивают такие темы, как смерть, рождение, половые акты, человеческие органы, болезни и т.п. Запрет на употребление некоторых слов и выражений всегда способствовал более лёгкому общению и поддержанию социального статуса человека в обществе. Следует отметить, что использование эвфемизмов в этой функции в большей мере зависит от сферы общения и социального статуса общающихся лиц. Чем выше социальный статус коммуникантов, чем большей официальностью и торжественностью характеризуется сфера общения, тем выше частотность использования эвфемизмов. Человечество на протяжении своего существования стремилось к непринужденному и лёгкому общению, и основным условием для такого общения является выбор приемлемых слов и выражений и соблюдение правил этикета. В обществе существуют определённые нормы и правила поведения, которые находят отражение в языке. Согласно этим нормам, эвфемистическим, смягчающим

заменам подвергается то, что в данную эпоху в конкретном социуме считается грубым или неприличным. Например, культурный человек никогда прямо не говорит о человеческих недостатках. Он употребляет вторичные наименования понятий и действий с отрицательным денотатом, например, слабослышащий вместо глухой; прихрамывает вместо хромой; трудно обучаемый вместо умственно отсталый; душевнобольной вместо сумасшедший; терять [потерять] рассудок вместо сойти с ума; белоголовый вместо старый; уйти на покой [на заслуженный отдых] вместо уйти на пенсию; уйти [отойти, переселиться] в иной [другой, лучший] мир [в вечность, в землю, в лоно Авраама] вместо умереть; дамская комната вместо туалет; перс. سرویس بهداشتی «гигиенический сервис» вместо туалет; نابینا «незрячий» вместо کور «слепой»; آب از دستش نمیچکد букв. «у него из рук вода не капает» вместо خسیس «скупой»; دستش کج است букв. «у него рука крива» вместо او دزد است «он нечист на руку», он жуликоватый; سندروم داوون «синдром Дауна» вместо عقب افتاده ذهنی «умственно отсталый»; سقط جنین «аборт» вместо کورتاژ и т.п.

Эвфемизмы с функцией смягчения служат и для повышения статуса социально непрестижных профессий. Так, например, надзиратель в тюрьме называется контролёром, уборщица техничкой и т.п. Массу подобных примеров можно обнаружить и в персидском языке: پاکبان букв. «хранитель чистоты» вместо رفتگر «мусорщик», خدماتی букв. «тот, кто служит» вместо نظافتچی «уборщик» и т.п.

Вторая функция эвфемистических замен – маскирование, вуалирование. При маскировке значения заменяемой единицы происходит затуманивание представления о предмете, подмена знака оценки отрицательного денотата в сознании получателя сообщения с целью навязать ему точку зрения, выгодную для отправителя сообщения. Язык в этой функции из орудия коммуникации превращается в орудие воздействия. Человек в частных и общественных сферах жизни сталкивается с такими ситуациями, в которых должен использовать маскировочные переименования. Особенно часто эта функция проявляется в рекламе, в языке бизнеса, политике, дипломатии и военного дела.

Р.А. Будагов связывает маскирующую функцию эвфемизмов с явлением языковой манипуляции, объясняя это тем, что маскирующая функция в отличие от, например, смягчающей, служит, в первую очередь интересам говоряще-

го, который с помощью выбора особых языковых средств выражения может «навязать» слушателю особое представление о том или ином явлении, преуменьшить опасность, негативный оттенок события [5, с. 110].

С. Мусави в своей статье называет эвфемизмы этой группы неприличными эвфемизмами. По мнению автора, неприличные эвфемизмы служат вуалированию политических и экономических конфликтов, маскировке истины, являются приёмами демагогии [21, с. 171] и контролирования общественного мнения в обсуждении социальных тем. Например: русс. *вооружённый конфликт*, *вооружённые столкновения* вместо *война*; *вырос уровень запросов* вместо *не хватает товаров*; *банки злоупотребляют отчётностью* вместо *скрывают истинные доходы*, *недоплачивают налоги*; перс. *عملیات شهادتطلبانه* букв. «операции, в которых человек погибает в борьбе

за свою веру» вместо *عملیات انتحاری* «самоподрыв»; *اخراج* «сокращение рабочей силы» вместо *تعدیل نیرو* «увольнение»; *اقتشار آسیب پذیر* «уязвимые группы» вместо *فقر* «бедные» и др.

Эвфемизм как многогранное лингвистическое явление обладает несколькими основными функциями, среди которых можно выделить функцию смягчения и маскировки. Суммируя вышесказанное, можно отметить, что функция улучшения, смягчения нежелательного денотата и функция его маскировки тесно связаны между собой, одна вытекает из другой, так как при эвфемистической субституции положительное значение заменяемого слова всегда вуалируется, а маскировке отрицательного значения всегда сопутствует его смягчение. Однако в акте эвфемистического переименования одна из функций превалирует над другой.

Список литературы

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – 636 с.
2. Артюшкина Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. – М., 2002. – 135 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 3-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2005. – 521 с.
4. Босчаева Н.Ц. Кашеева М.А. Функциональная семантика контекстуальных эвфемизмов // Проблемы функциональной семантики. – Калининград, 1993. – с. 34 – 41
5. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.
6. Булаховский Б.А. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1953. – С 52.
7. Ванюшина Н.А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2011. – 231с.
8. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического описания). Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л.: 1977. – 169 с.
9. Кей-Кавус. Кабус-намэ. Перевод Е.Э. Бертельса. –М.: Академия наук СССР. 1953. – с. 37-40.
10. Ковшова М. Семантика и прагматика эвфемизмов. –М.: Гнозис. 2007. – 320 с.
11. Кудряшова А.П. Процессы образования и функционирования эвфемизмов в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов 2002. – 236 с.
12. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь, – М.: Большая российская энциклопедия, 1990. – с. 590.
14. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 264 с.
15. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1999. – 536 с.
16. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка/ спецкурс. –М.: Флинта. 2012. – 121 с.
17. بدخشان، ابراهيم و موسوی، سجاد. «بررسی زبان‌شناختی به‌گویی در زبان فارسی»، جستارهای زبانی، دوره ۵، شماره ۱، پیاپی ۷، ۱۳۹۳، ص. ۲
18. پیروز غلامرضا، محرابی منیره. بررسی معنی‌شناختی حسن تعبیرات مرتبط با مرگ در غزلیات حافظ. «ادب پژوهی، شماره سی و سوم، پاییز ۱۳۹۴، صص. 84-85.
19. داد، سیمنا. فرهنگ اصطلاحات ادبی، تهران، مروارید، ۱۳۸۵، ص 1616.
20. رضایاتی محرم، چراغی رضا. واژشناسی اجتماعی گویش گیلکی: اصطلاحات خویشاوندی و جنسیت در مجله تخصصی زبان و ادبیات دانشکده ادبیات و علوم انسانی مشهد. شماره ۱۶۱، تابستان ۱۳۸۷. صص. ۱۰۶-۱۰۷
21. موسوی سجاد، بدخشان ابراهیم. حسن تعبیر ناپسند پژوهش‌های زبان‌شناختی در زبان‌های خارجی، دوره ۲، شماره ۲، پاییز و زمستان ۱۳۹۱، ص 171.
22. میرزاسوزنی، صمد. کاربرد حسن تعبیر در ترجمه «مطالعات ترجمه، سال 4، شماره 14، ص 24.

Сведения об авторах:

Мадайени Авал Али - кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры русского языка факультета иностранных языков Тегеранского университета в Исламской республике Иран (Исламская

республика Иран, Тегеран). Научная специальность: лингвистика, семантика, лексикология. E-mail: amaday-en@ut.ac.ir.

Сейед-Агаи Резаи Сейде Моханна Сейд Хасан - аспирант кафедры русского языка, Тегеранский университет, факультет иностранных языков и литературы (Иран, Мазандеран, город Баболь). Научная специализация: лингвистика, лексикология. Емейл: m.rezaie1985@gmail.com.

THE MAIN FUNCTIONS OF THE EUPHEMISTIC UNITS IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Madayeni Aval Ali, Seyed-Agay Rezai Seide Mohanna Seid Hasan

University of Tehran, Islamic Republic of Iran, Faculty of Foreign Languages and Literatures, University of Tehran, Karegar-e-Shomali st. adjacent to Faculty of Physical Education, Tehran, Iran

The Abstract: *This article studies the euphemism in Russian and Persian languages. To retain social situation, people avoid using ungracious and offensive words. The words, substitutes for a harsh or offensive one, are called euphemisms. As a lingual phenomenon, it needs more studies to be applied, as scholars have not yet come to an agreement in describing it. Some linguists describe euphemism from the Taboo point of view while others study its stylistic or pragmatic aspects. To avoid conflicts in communication, to reserve and improve social status and concealment are the main goal and functions of euphemism both in Russian and Persian. The two roles are often combined. It is difficult to differentiate between them, although in some cases one has a more prominent role than the other. The novelty of the research is in the use of lexicographic and contrastive methods of euphemism studies in Russian and Persian languages. The results achieved can be used in Russian and Persian theoretical courses in lexicology.*

Key Words: *euphemism, function, to soften, to disguise, Russian language, and Persian language.*

References

1. Arapova N.S. Jevfemizmy [Euphemisms] / N.S. Arapova // Russkij jazyk: Jenciklopedija [Russian language: Encyclopedia] / Gl. red. Ju.N. Karaulov. - M., 1997. - 636 p.
2. Artiushkina L.V. Semanticheski aspekt evfemisticheskoy leksiki v sovremennom anglijskom jazyke [Semantic aspect of euphemistic vocabulary in modern English]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk [Dissertation for the degree of Candidate of Philology]. - M., 2002. - 135 p.
3. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskix terminov. [Dictionary of linguistic terms] - 3-e izd., ster. - M.: KomKniga, 2005. - 521 p.
4. Boschaeva N.C. Kashheeva M.A. Funkcional'naja semantika kontekstual'nyh jevfemizmov [Functional semantics of contextual euphemisms] // Problemy funkcional'noj semantiki [Problems of functional semantics]. - Kaliningrad, 1993. - pp. 34 - 41.
5. Budagov P.A. Vvedenie v nauku o jazyke [Introduction to the science of language]. - M.: Prosveshhenie, 1965. - 492 p.
6. Bulahovskij B.A. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics]. - M.: Uchpedgiz, 1953. - S 52/ Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie [Introduction to linguistics]. - M.: Aspekt-Press, 1996. - 106 p.
7. Vanushina N.A. Semanticheskaja i pragmaticheskaja kharakteristiki evfemizmov v sovremennix nemetskix i rossijskix pechatnikh SMI [Semantic and pragmatic characteristics of euphemisms in modern German and Russian print media]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk [Dissertation for the degree of Candidate of Philology]. Volgograd, 2011. - 231 p.
8. Katsev A.M. Jevfemizmy v sovremennom anglijskom jazyke (opyt sociolingvisticheskogo opisanija) [Euphemisms in modern English (Experience of sociolinguistic description)]. Avtoref. diss.kand. filol. nauk [The dissertation author's Candidate of Philological Science]. - L.: 1977. - 169 p.
9. Kay-Cavus. Kabus-name. Translation E.E. Bertels. -M.: Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]. 1953. - pp. 37-40.
10. Kovshova M. Semantika i pragmatika jevfemizmov [Semantics and pragmatics of euphemisms]. -M.: Gnozis. 2007. - 320 p.
11. Kudrjashova A.P. Processy obrazovaniya i funkcionirovaniya jevfemizmov v semanticheskix poljah «smert'», «bolezni», «vozrast» [Processes of formation and functioning of euphemisms in semantic fields "death", "illness", "age"]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk [Dissertation for the degree of Candidate of Philology]. Saratov 2002. - 236 p.
12. Larin B.A. Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie: izbr. Raboty [History of the Russian language and general linguistics: Election work]. - M.: Prosveshhenie, 1977. - 224 p.

13. Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary], – M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1990. – 590 p.
14. Moskvina V.P. Jevfemizmy v leksičeskoj sisteme sovremennogo russkogo jazyka [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Izd. 2-e. – M.: LENAND, 2007. – 264 p.
15. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics]. M.: Aspekt Press, 1999. – 536 p.
16. Senichkina E.P. Jevfemizmy russkogo jazyka/ spekurs [Euphemisms of the Russian language / special course]. –M.: Flinta. 2012. – 121 p.
17. Badakhshan, Ebrahim and Mousavi, Sajad. "Barresiye zabanshenakhtie behgui dar zabane farsi"[The Linguistic Analysis of Euphemism in Persian Language], gastarhay zabani [Queries language], Vol. 5, No. 1, row 7, 1393, p. 2.
18. Piruz Gholam-reza, Mehrabi Monire. "Barresi-ye manishenakhtie hosn-e tabirat mortabet ba marg dar ghazaliyate Hafez" [Semantic search euphemisms associated with death]. Adab oazhohi [Literary scholars], No 33, Autumn 1394 (2015). pp. 84-85.
19. Dad, Sima. Farhange estelahate adabi [Dictionary of Literary Terms], Tehran: Morvarid, 1385 (2007), 616 p.
20. Rezayati Moharam, Cheraghi Reza. Vajeshenasi egtamaie guyeshe gilaki: estelahate khishavandi va gensiyyat [Social terminology Gilan Province: The terms of kinship and gender], magaleye takhsosiye zaban va adabiyate daneshkadeye adabiyat va olume ensanie Mashhad [Specialized journal Language and Literature Faculty of Letters and Human Sciences Mashhad]. No. 161. Summer 1387 (2009). pp. 106-107.
21. Mousavi, Sajad and Badakhshan, Ebrahim. Hosne tabire napasand [Obscene euphemisms]. Pazhuhesh-haye zabanshenakhti dar zabanha-ye khareji [Foreign language research journal], Vol. 2, no. 2, winter 1391 (2013). p. 17.
22. Myrzasvznyi, Samad. "Karbord-e hosne tabir dar tarjome" [The use of euphemism in translation]. Motaleate tarjome [Translation Studies], no. 14, summer 1385 (2006) p. 24.

About the authors:

Madayeni Aval Ali - Candidate of Philology, Associate Professor, lecturer at Department of Russian Language in University of Tehran at Islamic Republic of Iran (Islamic Republic of Iran, Tehran). Scientific specialization: linguistics, semantics, lexicology. Email: amadayan@ut.ac.ir.

Seyed-Agay Rezai Seide Mohanna Seid Hasan - postgraduate student of Russian Language, University of Tehran, Faculty of foreign languages and literature (Islamic Republic of Iran, Mazandaran, Babol). Scientific specialization: linguistics, lexicology. Email: m.rezaie1985@gmail.com.

* * *